

Книги Амурского прозаика-романиста Валентина Крылова уже хорошо известны не только дальневосточному, но и российскому читателю: казалось бы, все прочитано, все обсуждено и в устных беседах, и в статьях рецензентов. И все же, есть одно произведение, которое автор пишет уже не один год, - то возвращаясь, то откладывая, - это повесть об актере.

Редакция газеты "Таланты и Поклонники" посчитала уместным опубликовать небольшую повесть "И Горацио ушел..." в постоянной рубрике "Творческая мастерская" в нескольких номерах с продолжением.

Валентин Крылов

И Горацио ушел...

Повесть

Строгов закатил глаза, захлопал носом. Из горла его через стиснутые зубы вырывались хрипы. Глаза закрылись, и свет померк. Бытие рассеялось, навалилось темнотой, и, хватаясь руками за воздух, он медленно опускался на пыльные подмостки.

Зал замер, наблюдая за любимым актером, который как-то необычно играл сегодня свою роль. Горацио странно, с профессиональным изыском изображал горе. Обычно в этом месте Строгов вскидывал руки, лицо его искажалось гримасой боли, будто защищаясь от необъятной беды, свалившейся к нему с небес. И только властелин Бог в силах был помочь ему.

Сегодня все шло по-другому. Правда, в жизни можно и от радости потерять сознание, получить инфаркт. Но так вот сыграть эту сцену! Не сыграть, а пережить...

Когда актер упал, зал разразился рукоплесканиями.

Талантливая находка именитого мастера Сцены! Взрыв драматургии, и взрыв благодарных зрителей.

Занавес закрылся.

- Но действие еще не закончено, - в недоумении пожимали плечами те, кто не в первый раз смотрел этот спектакль.

- В чем же дело?

- Не стряслось ли чего?

Некоторые в центре зала с тревогой поднимали глаза к потолку, где в сумерках сверкала большая хрустальная люстра на золоченых цепях. Не оторвется ли? Не рухнет ли потолок? Многие в этот миг забыли о необычной игре актера, озабоченные своей судьбой. Почему же так рано закрылся занавес? По залу зашелестел легкий шумок, словно ветер перед грозой прошелся по ковыльному полю...

... Шумное поле было и в детстве Строгова. И лошади тревожно поднимали головы на этот шум. Трепетали чуткие ноздри. Беспокойное ржание упреждало раскат далекого грома, доносившийся отсюда туда, где темнели черные тучи, рассекаемые изломанным лезвием раскаленной молнии. Мальчишки огольцы часто гоняли коней в ночное. Витька Строгов был за старшего.

Приятель притихли, беспокойно озираясь на приближавшийся страх с небес, шевелили прутиками печеную картошку в кучке золы с тлеющими угольками. Глянув на небо, Витька скомандовал:

- Шалаш мигом варганим! - И, вскочив, первым, побежал к зарослям тальника вдоль узкой тенистой протоки.

Пацаны укладывали последние талины, когда с дробным стуком хлынул крупный дождь, взбивая пыль на узких тропинках, протоптанных людьми и животными к воде.

Они успели достроить шалаш, хотя и вымокли до нитки. Улыбаясь, сидели в укрытии, тесно прижавшись друг к другу и ощущая общую дрожь, хотя была середина лета, и только что всех донимала нещадная жара. При каждом громовом раскате пацаны втягивали в плечи стриженные головки, и только Витька хорохорился, не выказывая страха, и заправски вглядывался в плохо заделанную вершину шалаша, откуда падали капли. Лошади табунком стояли рядом, и Витька видел в открытый лаз, как трепетно и зыбко вздрагивают лоснящиеся крупы животных от каждого удара грома. Гроза бушевала. Молнии ослепительно вспарывали сгустившуюся темноту, освещая наполненные страхом лица детей и лошадиные морды. Затем следовали раскаты, словно все поднебесье обрушивалось на этот маленький шалашик и табунок, норовя уничтожить их, сравнять с землей, заглотив черной небесной пастью.

Вскоре гроза начала постепенно удаляться. В утихающих раскатах в стороне послышалось лошадиное ржание. Кто бы это мог быть? Огольцы переглянулись и устремились беспокойными взглядами на Витьку.

- Витек! - Раздался совсем рядом громкий бас. Витька узнал голос Петра Николаевича, своего дядьки моремана, который приехал из самого морского города Владивостока. Дядька ходил старпомом на маленьком китобое легендарной флотилии "Слава". Завидев шалаш и табунок лошадей середь поля у протоки, Петр Николаевич смекнул, где укрылись пацаны от грозы. Он спрыгнул с коня и, сдернув с головы мокрый капюшон, заглянул в шалаш.

- Ну что? улыбаясь пробасил дядька, - живы? Никто не помер от страха?

Огольцы зашикали, замямлили языками:

- Чего, мол, бояться?

- Не-а! Нисколько даже...

- Ну-к, что ж, что гроза?

- Мало ли гроз бывает? Почитай кажин день... Летом.

- Ну ладно! А теперь домой! Дед велел гнать лошадей. В обоз собирается, - подытожил Петр Николаевич.

Витька разинул рот, увидев, что дядька прискакал на любимом дедовом жеребце Орлане. Орлан особняком стоял невдалеке от выпасных лошадей и с хрустом пощипывал мокрую траву. Витька надул губы, насутился: вроде как обиделся на деда, - дядьке доверил Орлана, а ему, стало быть, лучшему в околотке наезднику, нету дедовой веры.

...Тревога из-за занавеса доносилась до зрителей. Гамлет настаивал вызвать "скорую". Офелия склонилась над Строговым-Горацио, расстегнула сорочку и усиленно массировала ему грудь, сдувая со лба непослушную прядь. Кто-то из осветителей растерялся и неосторожно выключил свет. В зале началась паника. Зрители повскакивали со своих кресел и ринулись к выходу. Слышались женские возгласы, кто-то пытался даже завопить, но всех призвал к порядку натренированный голос администратора. В этот миг вспыхнули люстры и бра на стенах. Маленький администратор стоял на авансцене, и, не скрывая удручения на узком, немолодом лице, объявил:

- В связи с необычными обстоятельствами спектакль отменяется. Не волнуйтесь, соблюдайте спокойствие, - говорил он, проглатывая подступивший к горлу комок и утирая платком глаза.

Зрители, которым не сказали о причине неожиданной отмены, с тревожной торопливостью, но соблюдая порядок, покидали зал, щелкали замками сумочек, перешептывались. Кое-кто из них, почитавшие себя друзьями театра единственного в этом провинциальном городке храма культуры, - лично знакомые с директором и главрежем, пытались проникнуть за кулисы. Но непреклонный администратор, сложив на груди руки и извинительно раскланиваясь, умолял их не делать этого. С ним соглашались, пристально заглядывая в глаза, и возвращались к выходу.

- А что случилось? - Спросил кто-то. Администратор мотал головой, взмахивал руками и всем своим видом просил не задавать вопросов, словно он сам ничего не знал. Из приоткрывшегося занавеса выглянуло испуганное женское лицо в гриме, растерянным взглядом окинуло зал и тут же исчезло. Шум за кулисами стал громче. Проводив утомленными покрасневшими глазами последнего зрителя, администратор быстро ушел за кулисы.

- Ну что? - Беспокойно спросил он суетившегося возле Строгова главрежа.

- Плохо... Без сознания.

- "Скорую" вызвали? - Распорядительно спросил администратор.

Главреж кивнул.

Голова Строгова покоилась на подушке из реквизита, глаза были полуоткрыты, словно сквозь живую щель цеплялся он за жизнь.

(Продолжение следует)

Валентин Крылов

И Горацио ушел...

Продолжение повести

- Он просит помощи! Он умоляет, - причитала Офелия - Помогите же ему чем-нибудь! - Просила она, не поднимаясь с колен и роиня на открытую грудь Горацио слезы. Строгов слышал все, но не мог пошевелиться от стиснувшей все тело адской боли. И рта раскрыть не мог, словно был зажат в тугом цепком капкане. Хотел было поднять руку, попросить вынести его на свежий воздух, но лишь конвульсивно дернул пальцами и замер. Свита принца и датский двор стояли полукругом, вглядываясь в лицо Строгова и ждали реанимационную бригаду из кардиологии. Врач сделал укол, и через несколько секунд Горацио открыл глаза. Мутным взором он обвел присутствующих и с усилием поднял руку, показывая на выход.

- Вам не надо двигаться, - склонился над ним врач и, мягко взяв его за пальцы, уложил руку вдоль тела Горацио просился на простор...

Лошади заржали, выплескивая из себя остатки страха, и навострили кончики ушей в ответ на удалявшиеся раскаты грозы. Орлан, подняв морду, ответил табунку, и, повернувшись к Витьке, ткнулся мордой в грудь. Витька погладил коня, ответив на его преданный взгляд, и, миглом вскочив в седло, прищпорил Орлана. Густая высокая трава с шелестом пугалась в сильных резвых ногах коня. В глазах Орлана пылала страсть вынести желанного седока на простор. Витька сидел, словно на вершине смерча, трепеща от упругого встречного ветра и хруста травы, разрываемой стремительным аллюром. Конь остановился у края крутого обрыва перед низиной, прозванной охотниками Заманной - именно в глубине ее, в дремучих зарослях деревьев водились дикие звери: волки, лоси, изюбры, кабаны и косули. И сюда, в это опасное недоступье, тянулись отчаянные охотники...

Витька дернул поводья. Ответив ему предостерегающим ржанием, Орлан начал спускаться по крутому склону. Почуввав волка, конь остановился, захрипел, пятясь назад.

Матерый зверь с серебристой сединой на ошетилившемся загривке, угрожающе оскалился и зарычал. Витька почувствовал, как дрожит под ним конь. Но тут же Орлан встал на дыбы, припав на задние ноги, и передними саданул волка, зацепив его скользом по голове. Взвизгнув, хищник перевернулся через спину, но быстро вскочил и, поджав хвост, скрылся в густом сосянке.

Поборов страх, Витька спешился, Орлан беспокойно мотал головой, бил копытами землю, и маленький наездник прижался щекой к горячей морде.

- Тихо, тихо, Орлан! Зверюга боле не вернется. Она как ты его... - успокаивал он коня, глядя по вздрагивающему крупу.

Из логова под вывороченным рогатым корневищем донеслось жалобное повизгиванье. Орлан снова захрапел, раздувая ноздри, громко заржал, тревожно скосив испуганные глазницы в сторону лаза, тряхнул гривастой головой. Не обращая внимания на беспокойство своего любимца, Витька подбежал к норе, опустился на колени и сунул руку внутрь, оцарапав об острые упругие корни кожу. Пальцы ткнулись в мягкое живое тепло. Тут же вскрикнув, он резко выдернул руку, почувствовав боль от несильного укуса. Кое-как ухватив волчонка за лапы, мальчуган выволок его на свет божий. Волчонок жмурился от непривычного дневного света, скалил маленькую розовую пасть. Мягкая щенячья шерстка на загривке, дыбилась, когда он от-

бивался лапами от незнакомого живого существа, явно превосходящего его размерами и силой.

Разохотившись, Витька вытянул из норы еще пару волчат, как две капли воды похожих на первого. Один был таким же ершистым, а другой, с белым треугольником на грудке, казался помирней, хотя и скалился, но умереннее проявлял свою бойцовскую прыть. Мальчишка зачарованно глядел на три пары совсем по-детски моргающих бусинок из глубины желтовато-серебристой шерстки - словно живые ягодки явились перед ним из мохового осеннего болота.

Вздрогнув от нетерпеливого ржания Орлана и душераздирающего воя за спиной, он бросил волчат, которые тут же, словно по команде, сгрудились в живую кучку, - и оглянулся: два матерых волка с оскаленными мордами, встопорщенными загривками и налитыми кровью глазами, грозно рычали, не предвещая радости и забавы. Витька не успел толком сообразить что к чему. Его затылок опалило горячее дыхание рысака. Орлан, вихрем промчавшись мимо, опростыло бросился на супружескую волчью пару, вздыбился перед огромным волчарой, защищавшим самку, норовя забить его копытами. Но волк, изловчившись, увернулся от удара. На сей раз звери и не думали скрываться в гуще тайги. Испугавшись, что они в гневе задерут коня, Витька пронзительно свистнул знакомым Орлану посвистом. Конь тут же оказался рядом, и ловкий маленький наездник, миглом вскочив в седло, прищпорил Орлана грязными босыми пятками, дав ему волю. Несколько раз Витька оглядывался, пока рысак уносил его от беды. Он чувствовал под собой напряженные мышцы коня, горячее дыхание из широких взволнованных ноздрей Орлана обжигало лицо седока, когда конь резво взметал по крутому склону из Заманной.

Волки их не преследовали. Волчара настороженно смотрел им вслед, пока они скроются из виду. Уверовав в победу и убедившись, что его семье более ничто не угрожает, самец гордо вскинул голову и повернулся к подруге, занятой детенышами. Волчица с «улыбкой» на слегка оскаленной морде и радостью в потеплевших глазах облизывала волчат, которых уже и не чаяла увидеть.

Пацаны поджидали Витьку у шалаша. Молчаливым живым колечком они сидели у залитого дождем кострища и прутиками ковыряли обугленные намокшие картофелины, о которых забыли в суматохе.

Так и не дождавшись племянша, дядя Петя - мореман ускакал на молодом жеребце, строго-настрога наказав гнать лошадей в поселок.

Палило солнце, наполняя зноем посвежевший после дождя воздух и устилая белесым испарением мокрый луг. Становилось жарко.

Завидев вдаль всадника, мальчишки загалдели. Скрытое волнение исчезло, и тишину встряхнули звонкие переделки. Ребята, взбодрившись, стаскивали с себя влажные штаны и рубашонки, выставляя для загара худенькие смуглые тела.

- Долго че? - спросил Витьку его друг Васька Пилипчук.

- Надо было. Расскажу вам кой-чего... - С этими словами Витька смахнул со спины все еще вздрагивающего после скорого бега Орлана, сел у кострища. Пацаны обступили его....

...Солнце резко ударило по глазам, когда Строгова вынесли на носилках к машине «Скорой помощи». Виктор Сергеевич с трудом размежил сомкнутые бо-

лю веки. В пересохших непослушных губах едва складывались звуки. Он просил пить, и вяло двинул немьющей рукой в сторону Набережной.

Офелия, поддерживая Горацио под голову, напоила его водой из стакана. Строгов сделал несколько медленных глотков.

- Он просит отнести его к реке, - едва сдерживая слезы, всхлипывала Офелия. Слова ее вырывались из горла, знобя и содрогая бледные губы.

Берег реки, который местные жители и мэрия называли пляжем, вовсе не походил на место для купания. Скорее это была свалка живых тел среди снующего по песку мусора. Только нещадный зной мог заставить самое высокоорганизованное и требовательное существо приволочься сюда пехом или приехать в насыщенном жаром автобусе. Те, кто побогаче, позволяли себе преодолеть расстояние от города до реки на такси, кое-как уговорившись с таксистом, с садистской профессиональной улыбкой вымогающим плату за проезд. Совсем богатенькие пылили по грунтовке на личных автомобилях.

Строгов помутневшими глазами, отражавшими волнение реки, смотрел с высоты каменного парапета на низкое приречье. Волны от проходящих катеров и теплоходов с шумом набегали на берег. В уголках строговских глаз набухли две блестящие капли и, оторвавшись, покатались по бледному худощавому лицу с остатками грима к подбородку. Спустя мгновение, появились еще, потом еще, и снова сползали по щекам.

Офелия утирала лицо Горацио надушенным носовым платком.

... Возвратившись из ночного, Витька застал плачущих мать и бабушку. Мать вскочила, прижала Витькину голову к пахнущему жареным луком и салом переднику.

- Что вы плачете? А дед где? - Тревожно спросил Витька, удивляясь, что старый Строгов не встретил его, как обычно, во дворе, - А дядя Петя? Неужто уехали? На чем?

Глянув на внука, бабушка взмахнула руками, словно крыльями, и с опущенным от горя лицом, повернулась к окну.

Витька понял: случилась беда. Он бросился к бабушке и начал тормошить ее:

- Че, ба?

- Арестовали деда... И дядю Петю. Час, как на «воронке» увезли.

- Как арестовали? За что? - Витька застыл с разинутым от удивления и ужаса ртом. Он так растерялся, что не знал, как ему быть и что делать. - Куда хоть увезли? - Машинально спросил он.

- Кабы знать..., - громко заголосила бабушка Мария. - В милицию, поди.

- За что в милицию-то?

- А бог его знает, - взмолилась старушка и перекрестилась, потом осенила крестом дочь и внука, - Бог один знает, Витюшка, - она утерла глаза кончиками мими накинутой на плечи цветастой косынки.

(Продолжение следует)